

«ЛЮБОЙ ЭПИЗОД ИГРАЮ НА РАЗРЫВ»

Актриса Театра на Малой Бронной **Юлиана Варшавская**, по собственному признанию, родилась не в свое время: ей, актерскому ребенку, выросшему за кулисами, хочется сценической правды, а не формальной реальности, сегодня часто предлагаемой зрителям. Выпускница курса **Сергея Голомазова** считает, что на сцене нужно работать только всерьез, а не оправдываться тем, что на подмостках идет лишь подобие жизни. Еще одна «несовременная» мысль — что артист должен пройти долгий путь, прежде чем добиться успеха, но даже длительная работа в театре или престижная премия не делают его профессионалом. Бесстрашие в выборе ролей и жанров отличают эту вдумчивую и волевою девушку, шаг за шагом идущую по артистической стезе к новым свершениям. — *У вас очень красивое артистическое имя. Это псевдоним?*

— Юлиана — мое имя с рождения. Был период, когда мне оно очень не нравилось, в отличие от Юлии, казалось мужским, я чувствовала себя Юлием Цезарем. Хотя я и вправду умела делать семь дел одновременно. Мне всегда хотелось иметь псевдоним, я даже воспользовалась фамилией моего прапрадедушки, став на какое-то время Бельской, но не в паспорте, а лишь в социальных сетях. В итоге я взяла фамилию мужа и теперь — Варшавская (в театре меня иногда называют Варшавской мелодией). Говорят, путь человека будет непрост, пока он не примет себя и своего имени. Получается, что, меняя его, я бегу от себя, создаю себе ненужные барьеры. Сейчас понимаю, что мое нутро соответствует как раз Юлиане, сочетаясь с моим низким голосом и внутренним наполнением. Назвав меня так, родители не прогадали.

— *Ваш отец Тимофей Сополев — театральный педагог, мать Ирина Мануйлова — драматическая актриса. Артистическая стезя очаровала вас с детства?*

— Родители закончили курс Михаила Ивановича Царева в «Щепке»: отец пошел в

режиссуру, а мать стала работать в Новом драматическом театре, за кулисами которого, наряду с Театром имени Вл. Маяковского, я проводила свое детство. Мне всегда нравился театр и его атмосфера, запах кулис и сцены, было интересно наблюдать за тем, как люди перевоплощаются, как готовятся к спектаклю, но актерского будущего на тот момент я для себя не видела. Я мечтала стать дизайнером, хотя занималась танцами, вокалом, сценическим движением и речью, фехтованием, училась в школе № 123 с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла. А в 9 классе, перед выходом во взрослую жизнь, мама посоветовала определиться: если я действительно хочу рисовать, то должна посвятить этому все свое время и отказаться от дополнительных занятий. Я жутко неуверенный человек, во мне очень много

Юлиана Варшавская

В заглавной роли в спектакле «Княжна Марья»

энергии, которую нужно куда-то тратить, и я поняла, что не хочу ничего бросать, хочу заниматься только театром! Другого пути для меня не было, хотя меня отговаривали – и родители в том числе. Но мягко, не настаивая: они всегда знали, что я буду именно актрисой, особенно мама.

– В детстве вы занимались во множестве творческих кружков. Что для актера легче добрать – физические умения или начитанность, кругозор?

– Кому как. Лично мне творчество всегда было ближе общеобразовательной программы, хотя я была почти отличницей. В школе я много читала помимо списка обязательной литературы, и в итоге «перечитала» так, что в институте у меня наступил этап затишья. Экзамены по предметам со списками из двухсот пьес я до определенного момента сдавала «на удачу»: с кратким содержанием, с приобретенным ранее багажом знаний, а также с маминими ночными трудами по написанию рефератов. Тогда мне было гораздо интереснее занимать-

ся творческими дисциплинами, а на лекции нужно было приезжать в 9 утра. Для студента, который заканчивает учиться в 11 вечера, это очень тяжело. Но на третьем курсе я уже научилась высыпаться за 5 часов, поднимать себя утром и даже не кемарить под усыпляющий тон педагогов на утренних занятиях. Видимо, мне просто нужен был перерыв. Сейчас я знакомлюсь с новыми книгами в свое удовольствие, могу прочесть подряд порядка 30, потом, естественно, делаю паузу: мы и так здесь вынуждены размышлять, разбирать тексты – голова устает.

– Вы учились в ГИТИСе на курсе Хомского и Голомазова. По окончании вы могли попасть и в Театр им. Моссовета?

– К моменту нашего выпуска в театрах сложилась непростая ситуация: артистов было очень много, практически у каждого руководителя курса уже был свой театр с полной труппой, и мы не могли выбирать. Когда дело стало близиться к показам, мне и еще нескольким ребятам сразу предложили остаться на Малой Бронной. Мы всег-

да где-то глубоко в душе хотели работать именно здесь, так что это предложение было большим подарком. Голомазовцы — все ученики своего учителя: это наш мастер, с которым мы привыкли работать, он в нас многое вложил, его школа нам близка. Хотя был интерес показаться и в другие театры, но у нас и это формально получилось: мы помогали своим однокурсникам.

— В 2014 году вы стали лауреатом премии «Золотой лист» за роль княжны Марьи. Насколько для молодого артиста важны награды?

— Для меня эта премия стала самой большой неожиданностью, и, выходя на сцену, я судорожно перебирала в голове слова благодарности мастерам и родителям. Но судя по тому, что происходило после выпуска, я понимаю, что ни одна премия по жизни ничего не дает. Получить ее в студенческие годы приятно, это достижение перед самим собой, когда ты еще не профессиональный артист, но уже чего-то добился: тебя отметили среди огромного количества других студентов. А сейчас — это просто память. На протяжении жизни мы доказываем со сцены как самим себе, так и зрителям, что наша профессия — это призвание. Чтобы достичь совершенства, нужно проходить долгий путь.

— Не страшно соприкоснуться с классикой, как вы делаете это в постановке «Княжна Марья»? И как работать со «школьным» залом — целевой аудиторией спектакля?

— Страх перед соприкосновением с классикой, даже с Львом Николаевичем Толстым, нет. Хотя в школьные годы с этим романом мы не подружились, и я его не прочитала. Благодаря режиссеру Сергею Посельскому я смогла поработать с этим материалом. Мне кажется, 20 лет — тот возраст, когда ты осознанно читаешь каждую страницу. Сначала это был дипломный спектакль, который мы играли на протяжении всего четвертого курса и потом какое-то время после выпуска в том же учебном театре, затем на площадке в СТД, в Доме Актера, ездили с ним на гастроли. А потом нам предложили перенести его в Театр на Малой Бронной. Он шел 3 часа и 15 минут, и для нашей Малой сцены его обязательно надо было со-

кращать. К нам присоединились артисты театра, мы откорректировали некоторые сцены, и постановка вошла в репертуар.

Хотелось бы, чтобы взрослого поколения на этом спектакле было больше. Мне кажется, это не обучающий материал для школьников, в нем же показана жизнь только глазами княжны Марьи и тех, кто с ней соприкасается, а для знакомства с романом нужно прочитывать от начала до конца все 4 тома. На взрослую публику работать проще, хоть она и не так ярко реагирует. Когда приходят хорошие классы, они и смеются, и аплодируют: малая сцена — это диалог со зрителем на короткой дистанции. Но бывают очень сложные залы, один раз даже пришлось проводить разъяснительную беседу после занавеса. К сожалению, с детьми разговаривать бесполезно: они в том возрасте, когда все воспринимают в штыки, и бедная классная руководительница вынуждена была краснеть за них. Я с детства приучена к теат-

«Тиль». Капликен — Ю. Варшавская

«Яма». Тамара — Ю. Варшавская

ру и уверена: человек должен понимать, где он находится. Если дети не научатся этому сейчас, потом будет сложно.

— *Пластический спектакль «Яма» Егора Дружинина основан тоже на классическом материале. Как осваивать его в таком необычном жанре и под руководством режиссера, имеющего малый опыт соприкосновения с драматическим театром?*

— Егор замечательный человек: друг, товарищ, коллега, артист, режиссер, хореограф. Я бы с огромным удовольствием поработала с ним вновь. Я видела его постановки в других театрах — это очень здорово. Для актера участие в пластическом спектакле — большое достижение: во-первых, ты держишь себя в форме, а во-вторых, соприкасаешься с совершенно другим жанром. Так как я занималась хореографией всю свою сознательную жизнь, для меня был сложен двухлетний период работы в театре без какого-либо рода танцев. Мы с таким восторгом бежали на кастинг «Ямы», нам так хотелось попробовать что-то новое для себя! Сначала по сюжетной канве ставилась хореография. Хотя Егор прекрасно знал, чего

хочет, он всегда был в диалоге, мы создавали вместе. Он рассуждал с нами с позиции режиссера, разбирал пьесу, обсуждал внутреннюю линию каждого человека, но у любого артиста была возможность сложить спектакль от начала до конца самостоятельно, опираясь на свое видение материала. Он репетировался частями: дуэт, трио, массовый танец, и самым прекрасным моментом после первого прогона стало понимание, как твоя роль выстраивается в целое.

— *Вы работали с худруком и педагогом Сергеем Голомазовым, участвовали в постановке коллеги Екатерины Дубакиной «Самоубийца», играли в пластическом жанре у Егора Дружинина. С кем и где комфортнее?*

— Поначалу, еще будучи студенткой, я воспринимала работу с Сергеем Анатольевичем как единственный путь: во время учебы я прошла 4 года с мастером, первые роли в театре тоже связаны с ним. Порой его понять просто, а порой нет, но с ним всегда нужно беречь душу до самого края. Нельзя сказать, что он сразу требует результат, но ты сам понимаешь, что нужно бросать себя в материал целиком, чтобы слы-

шать и понимать режиссера, быть с ним на одной волне. С Егором мы тоже работали в своеобразной зоне комфорта — мне было просто как в актерском, человеческом, так и в хореографическом плане.

Удивительная жизнь началась, когда мы соприкоснулись с Катей. Она и моя коллега, и близкая подруга. Она предложила мне характерную роль. Учítывая, что до этого у меня в копилке были роли трагических героинь, я не раздумывая согласилась. Хотя не знаю, как бы я смотрела на это, будучи студенткой: тогда у меня был более жесткий взгляд на себя. В начале пути я поняла, что это будет для меня новый и непривычный метод работы. Но в этом и кайф. Это совершенно другой жанр! С теплотой вспоминаю наши репетиции, где было много творчества, смеха, взаимопонимания, а главное, удовольствия! Сейчас я так же в радость репетирую с ней «Квартиру Колумбины» по циклу пьес Людмилы Петрушевской. Это большой опыт: включаются дополнительные резервы, и это безумно интересно, потому что я открываю для себя что-то новое, могу мыслить с другой позиции и в другом

направлении. Я с огромным удовольствием поработала бы с еще большим количеством режиссеров: находить в постановщике отголоски себя — это очень здорово. А если каждая твоя роль не похожа на предыдущую, значит, твой диапазон расширяется.

— *Постановка «Особые люди» — социальный спектакль. Не вызывает ли у вас сомнений наличие такого проекта в театре?*

— Сомнений не было — был страх. Ведь это та тема, где ты как артист не имеешь права соврать. Мир особых детей на самом деле удивительно прекрасен: они — иные, честные, позитивные, такие же, как и мы, просто по-другому выражающие себя. Мы умеем надевать на себя маски, подстраиваясь под общество, за что оно нас и принимает, а эти дети — нет. И порой именно в обществе у таких семей возникают трудности. Родители, что приходят к нам на спектакль, имеют возможность почувствовать, что они не одиноки. Мы говорим со сцены, что они могут с этим справиться. С ними сразу возникает контакт и диалог: они плачут, радуются, смеются, а зрители, которые не знают этой проблемы, происходящее вбивает в

«Салемские ведьмы». Дэнфорт — М. Горевой, Элизабет — Ю. Варшавская

«Самоубийца». Маргарита Пересветова — Ю. Варшавская

кресла. Мне кажется, социальные проекты обязательно нужны, потому что они стирают грань неприятия и позволяют открыть для себя много нового. Например, что есть ЦЛП (Центр лечебной педагогики – Д.С.), куда можно внести благотворительный взнос, чтобы помочь детям.

– **Вы много играете. Чувствуете, как меняется ваш статус в театре?**

– Мы в театре плывем по течению, которое нас постепенно несет. Конечно, когда ты получаешь главную роль или одну из главных, безумно приятно, что тебя отметили. Но я не могу сказать, что сейчас мой статус поменялся, хотя внутренняя актерская уверенность прибавляется, опыт растет. Я уже не та студентка, что когда-то сюда пришла, — это мой пятый сезон, за который много чего пройдено, поставлено и выпущено. Существует шаблон, что есть ведущие артисты — и все остальные. Мне кажется, что каждый для себя и для театра что-то значит, если он в нем работает. Другой вопрос, что количество ролей — это и твоя зарплата, и возможность как артисту развиваться. Для меня сегодня главное, что я могу работать с разными режиссера-

ми и пробовать себя в разном материале. Никто же не знает, что будет дальше. Надеюсь, что только лучше — еще больше работы и новых творческих знакомств.

– **Бывает ли, что вам хочется сделать перерыв, чтобы отдохнуть от большого количества спектаклей?**

– Иногда после психологически тяжелой работы хочется отдохнуть, набраться сил. Физические затраты проще восстановить, можно поспать и на следующий день чувствовать себя бодрячком, а психологически нужно добирать. Был тяжелый момент, когда мы переносили на Малую сцену «Княжну Марью» и параллельно выпускали «Салемских ведьм». Я была морально выжата как лимон и боялась пропустить что-то, особенно когда репетиции совпадали: хотелось быть и здесь, и там, и тут. Позволить себе сказать «нет» можно только в переизбытке работ. У меня пока такого не было. Артист — это человек, жадный до ролей. Каждый мечтает, чтобы у него были и съемки, и параллельные выпуски в театре, и гастроли, и антрепризы. Возможно, тогда можно позволить себе сказать: «Мне нужно немножко отдохнуть». Я пока не в том статусе.

– *Как воспринимаете распределение на небольшие роли?*

– Это работа в удовольствие, возможность показать себя всего и сразу: нужно выйти и «выстрелить». Мне очень нравится моя роль Калликен в спектакле «Тиль», к тому же в этом спектакле у меня есть роль еще меньше: мы с Таисией Ручковской работаем в состав, и когда кто-то из нас играет Калликен, другая выходит в хоре в образе Хозяйки пивной: две секунды, две реплики. Ты сам можешь созидать, поскольку любой режиссер больше занимается артистами на главных ролях, ведь их задача – вести действие от начала до конца, доносить смысл. При этом недаром говорят, что короля играет свита: каждая роль в спектакле важна.

– *Расскажите о работе в спектакле «Салемские ведьмы», в котором у вас прекрасно сыгранная главная роль.*

– Мы репетировали «Салемских ведьм» около полугода, а последние два месяца в очень плотном графике. Мой главный партнер по спектаклю Владимир Яглыч – человек, который снимается в кино больше, чем есть часов в сутках, при этом пропусков репетиций за ним не числилось. У него есть редкое для киноартиста качество – чистота актерской дисциплины. Николай Караченцов, царствие ему небесное, в одном интервью произнес потрясающую фразу: «Мне легче работать с уважаемым мной коллегой, чем с другом-корешом. Что-то будет мне мешать, уйдет свежесть». Всегда проще с партнером, с которым вы каждый раз находите друг в друге что-то новое. В этом смысле мне с Володей было просто и интересно, мы всегда были в диалоге, в совместном поиске.

Это была моя первая работа с Сергеем Анатольевичем Голомазовым над такой большой ролью. Она тяжела эмоционально, да еще и раздроблена по спектаклю, не то что у Проктора, который почти все время ведет сцену. Каждая мизансцена у Элизабет – кульминационная. Мы же играем в театре так, как это произошло бы в жизни, примеряем на себя обстоятельства, в которых находятся герои, поэтому любой эпизод должен играть на разрыв. Психологически было очень тяжело, после каждой

репетиции я дома лежала в лежку. После премьеры мучилась головной болью, сил не было совсем, хотя это был тот самый момент, когда можно выдохнуть. Спасло меня то, что мы играем в состав с Дашей Грачевой. Если бы нас друг у друга не было, наверное, мы уезжали бы с репетиций на «Скорой» и нам делали бы восстановительные капельницы. Шутка! Но это одна из моих любимых работ. Наш спектакль очень злободневный, в нем стерты временные грани: то ли это 1692 год, то ли сегодняшние дни. Это произошло еще и благодаря Михаилу Горевому, который яростно исполняет роль судьи Дэнфорта.

– *Нужно ли кино, если такое многообещающее начало в театре, где лучше в первую очередь материал?*

– Театр – это жизнь. Только в нем артист становится артистом и имеет возможность совершенствоваться. Ни один спектакль не похож на другой, ведь он складывается из массы обстоятельств, соединяющихся невидимыми нитями в единую ткань, которую очень сложно создать и очень легко разрушить. Но театр не кормит актера – от этого никуда не деться. Его кормят съемки: сериал больше, полный метр меньше (если говорить о начинающем). Кино – это параллельный мир, который мне очень интересен. Конечно, советский кинематограф – совершенно другая эпоха, и такие фильмы, как «Свой среди чужих, чужой среди своих» – мечта для любого актера. Есть много режиссеров, у которых мне бы хотелось сыграть большую роль: Владимир Котт, Тимур Бекмамбетов или Федор Бондарчук. Вообще хочется сниматься: побольше, с хорошими режиссерами, в хороших проектах – не только для того, чтобы показать себя (хотя и для этого тоже!) Втайне все мы мечтаем о популярности. За ней нельзя идти в нашу профессию, но помечтать о ней иногда можно. Кинопроект – это твоя известность, а дальше – твоя востребованность. Хотя сейчас, в эпоху «Instagram», ты можешь иметь два миллиона подписчиков, вообще не занимаясь творчеством... Но это не про нас!

Беседовала Дарья СЕМЁНОВА

Фото из личного архива